

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Александр
СТЕСИН

Часы приёма

Александр Михайлович Стесин

Часы приема

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051477

Часы приёма:

ISBN 978-5-91627-007-5

Аннотация

Первый сборник стихотворений русского поэта Александра Стесина, живущего в Нью-Йорке. По словам автора, начиная с этого века он пишет только по-русски (до этого были публикации на английском и французском). Оторванность от языковой метрополии явно уберегла его от всего наносного, формального и, по недоразумению, модного в нынешней России.

Близкий к патриарху американского авангарда Роберту Крили, Александр тем не менее выбрал путь в поэзии, основанный на классической просодии, что с некоторых пор подчеркивает внутреннее достоинство пишущего и его способность четко выражать свои мысли и чувства. Великолепно владеющий музыкой русской речи, ориентирующийся в переменчивой западной культуре, Стесин, по мнению Сергея Гандлевского, смог за последние годы перешагнуть через ученичество, к которому относился с завидной серьезностью, и его «задатки обернулись лирическим дарованием».

Бахыт Кенжеев считает, что «безупречный и живой язык этого поэта» замешан на «беспримесной любви к нашей родне

и старикам», на связи с далеким советским детством, хотя Александр и прожил в Новом Свете в два раза дольше, чем на далекой Родине.

Содержание

Об авторе	5
«В последние годы...»	6
Стихи Александра Стесина	8
I	12
«Дождь пройдет, не истопчет травы...»	12
«Я впишусь в эту осень, к стене прислонившись спиной...»	14
«Когда причаливают лодку харонову...»	15
«Одноклассник Джеф Б., самопровозглашенный битник...»	17
Панк-рок	19
«В джинсах-шароварах, в кофте с капюшоном...»	21
«Целлофановый куль, как упавшее облако...»	23
«Постою на улице, покурю...»	24
«За хорошее поведение...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Стесин

Часы приёма

Об авторе

Александр Стесин родился в Москве в 1978 г. С 1990 г. живет в США. В 1999 г. окончил литературный факультет (отделение поэтики) университета Баффало, в 2000 г. – курсы по французской литературе в Сорбонне. Публиковал стихи на английском и французском языках, однако в течение последних десяти лет пишет исключительно по-русски. Стихи, переводы и проза публиковались в журналах «Арион», «Звезда», «Знамя», «Иностранная Литература», «Новый Берег», «Новый Мир», «Новая Юность», «Октябрь» и др. Лауреат международной поэтической премии «Тамиздат» (2007 г.), дипломант поэтического конкурса им. Гумилева «Заблудившийся Трамвай» (2006, 2007). Член редколлегии журнала «Интерпоэзия», куратор серии литературных вечеров «Проект Город». Составил для издательства «Водолей Publishers» антологию «Современная русская поэзия США». Живет в Нью-Йорке.

«В последние годы...»

В последние годы имя Александра Стесина время от времени склонялось в разговорах литературных приятелей-эмигрантов. Поминали его с приятным удивлением: вроде бы, по летам годится нам в сыновья, американец американцем (вывезен родителями чуть ли не в двенадцать лет), а вот ведь, лихо говорит по-русски, знает толк в поэзии, и даже организовал на Манхэттене литературный клуб «Город», где регулярно выступают русские поэты, местные и заезжие, – и вообще славный человек. Так оно все и оказалось при очном знакомстве. Не с ходу (что уже добрый признак), а задним числом, в письме Стесин спросил разрешения прислать свои стихи. Не скрою, это, как и всегда в таких случаях, немного напрягло меня: когда складываются симпатичные отношения, жалко омрачать их лукавством или правдой. Стихи были культурными, хорошей школы, с проблесками хороших задатков – примерно так, по-моему, я на них и отозвался. Ответ на критику мне понравился: в нем не слышно было ноток уязвленного самолюбия, зато звучали интонации достойной выдержки и взрослой готовности к терпеливому долгому труду и совершенствованию – короче говоря, это была речь не мальчика, но мужа.

С три или четыре года назад стихи Александра Стесина приобрели новое качество. Школа и культура отошли на зад-

ний план и сделались чем-то само собой разумеющимся, а задатки обернулись лирическим дарованием. Теперь эти стихи хочется рекомендовать всем, кто в принципе неравнодушен к поэзии, — что я и делаю.

Сергей Гандлевский

Стихи Александра Стесина

Скорее флегматик, чем меланхолик, скорее философ, чем пьяница и повеса, скорее русский поэт, чем американский онколог – так набросал бы я портрет Александра Стесина. Правда, справедливо и обратное. Что поделаешь – любимец муз!

Стесину около тридцати; по нынешним временам он стихотворец юный, можно сказать начинающий. Тут бы и разобрать его вирши по косточкам, с надлежащими комплиментами: словарь богат; ритмика разнообразна; рифмы изысканны; окружающий мир обжит, осмыслен и оприходован; окончательный продукт – в высшей степени профессионален.

Известно, однако, что совокупность всех этих добродетелей представляет собой условие необходимое (и то не всегда), но уж точно недостаточное для того, чтобы быть поэтом.

«О вещая моя душа, о сердце, полное тревоги, о, как ты бьешься на пороге как бы двойного бытия!» Симпатичная антитеза между «заботами суетного света» и «широкошумными дубровами», куда бежит поэт, «и звуков, и смятенья полн», с тех пор досконально освоена и обрела черты, которые, может быть, и удивили бы наших классиков. Да, поэт всё безнадежнее раздваивается между временным и вечным – однако сами эти понятия изменились и даже, страш-

но сказать, началось их взаимопроникновение. Лет пятнадцать тому назад Сергей Гандлевский выступил с концепцией «критического сентиментализма»; термин насупленный и довольно дурацкий, но скрывающий за собой душемутительные лирические просторы. Если отыскать верный угол зрения – то наше детство, и шире, наше прошлое, вдруг – хотя бы в силу того, что ушло безвозвратно – становится как бы неоспоримой истиной, тем основанием, на котором можно – и даже нужно – строить творчество. Этот подход, при всей его мнимой очевидности, далеко не тривиален. В XIX веке «мятежную» юность, может быть, порою и вспоминали, детство же обычно откидывали за ненадобностью, освобождаясь от него с такой же радостью, как похмельный пролетариат от своих цепей. Почему «критический»? Да потому, что не дал нам господь набоковского детства, а выдал советское. Но даже советский ребенок, как ни крути, был счастлив, а уж что он там потом осознал насчет отсутствия бананов и свободы печати – дело десятое и, вообще говоря, непоэтическое.

Молодой американский врач Александр Стесин прожил в Новом Свете в два с лишним раза дольше, чем в приснопамятной Стране Советов. Во время перестройки и сопутствовавших ей разнообразных явлений (разрухи, веселого расхищения бывшей социалистической собственности, анекдотов о новых русских и т.д.) он увлекался (если судить по стихам) движением панков и философией. Может быть, поэто-

му его строки, где речь идет о детстве, куда менее «критичны» и более «сентиментальны», чем у моего поколения. (И слава Богу). Зато в них есть беспримесная любовь – возврат долга к нашей родне и к нашим старикам, которые – если еще живы – нуждаются в ней все больше и больше. Эта любовь, которой мы в юности обычно брезгуем, на самом-то деле представляет собой едва ли не высшую в жизни ценность. («...а матушкины слезы – всегда они с тобой...»)

Нравственная опора на советское детство (лишенное, впрочем, любых идеологических примет) у Стесина особенно хороша еще и в силу неодолимого расстояния между этим детством и его нынешней жизнью. Пусть вас не обманывает безупречный и живой язык этого русского поэта. В повседневной жизни он остается молодым американцем (ни в коем случае не эмигрантом, кстати). Слабость это или сила? Уверен, что второе. Великая литература на английском уже три столетия прирастает шедеврами, написанными то ирландцами, то, прости Господи, американцами, то индийцами. Да и у нас было нечто похожее (Искандер, братья Ибрагимбековы, Олжас Сулейменов; в более позднее время – Сухбат Афлатуни и Шамшад Абдуллаев). Думается, что русской литературе только на пользу пойдет расширение горизонтов, когда о стране, традиционно вызывающей в России то любовь, то зависть, то ненависть, будет писать поэт, чувствующий себя в Америке дома, спокойно использующий «домашние» слова русского языка, то есть называющий ее

широкие улицы «проспектами», а тряпки из бутика – «фирмой». Иными словами, воспринимающий ее жителей как соотечественников, а не иностранцев. Приведу всего один пример упомянутого расширения горизонтов. Саша Стесин по происхождению еврей, что и упоминается два-три раза в этой книге. Оно, конечно, бывало в поэзии русской, однако же в лучшем случае – по выражению того же Набокова – «с зыбкой усмешкой принудительного доброхотства». Там, где Стесин касается этой темы, он, как и должно быть, никак не нагружает ни себя, ни читателя – и тут есть чему поучиться, есть где догонять и перегонять Америку.

Отличная, глубокая, грустная без отчаяния, вдумчивая без занудства книга, исполненная осторожной, но подлинной любви к миру и населяющим его живым душам.

Бахыт Кенжеев

I

2001–2005

«Дождь пройдет, не истопчет травы...»

Памяти Роберта Крили

Дождь пройдет, не истопчет травы,
не испортит асфальтовой кожи.
Календарный листок оторви,
за ночь вырастет точно такой же.

Город Баффало. Некий мотель
малозвездочный, но с колоритом.
То не собственной смерти модель,
даже если нарочно умри там.

То для собственной жизни листки;
счет под дверью, прислугой просунут;
чуткий сон той, с которой близки,
за бугром неразобранных сумок.

Пусть протянется связь, не видна;

быстрый дождь простучит, как наборщик.
Даже если он, как из ведра,
а итог – в полстраницы, не больше.

Или если, как речь, и першит
тишина, катаральное нечто,
будто голос к гортани пришит.
А строка оттого бесконечна,

что каретку сдвигать не с руки,
разговор продолжая заглазный.
Смерть, как имя в начале строки —
нарицательное, но с заглавной.

«Я впишусь в эту осень, к стене прислонившись спиной...»

Я впишусь в эту осень, к стене прислонившись спиной.
Это время – река, где непарных ботинок галеры
по течению плывут. И слышны из ближайшей пивной
фортепьянные опусы в темпе домашней allegry.

Я впишусь в этот рыжий кирпич и с изнанки моста
меловые графити, чумных басквиев творенья,
и в общагу, где будка консьержки уж год, как пуста,
но жильцы до сих пор предъявляют удостоверенья.

Здесь на койке больничной кончается некто, и свет
упрощается в нем, перевернутым кажется днищем.
И открыты все учреждения. И в желтой листве
сокращенное солнце восходит над парковым нищим.

Я в графе распишусь. С белой койки мертвец поглядит
в поднесенное зеркальце, и заведут хорovou
та консьержка пропавшая и этот нищий, к груди
прижимающий мокрого пса, точно грелку живую.

«Когда причаливают лодку харонову...»

Когда причаливают лодку харонову
к крутому берегу Восточной реки,
и грузят ту или иную херовину,
бычки за уши заложив, моряки,
психоделичный дядя, спешившись с велика,
с другого берега им машет рукой
и смотрит, как выносят шлюпки из эллинга.
И густо фабрики дымят за рекой.

Сентябрьским утром взгляд, от ветра слезящийся,
он устремит туда, где пристань и шлюз,
и напевает не лишенный изящества,
еще с Вудстока им запомненный блюз

о том, как много нужно этого самого
для просветленья в мозгах, а для души
одна любовь нужна и музыка, заново
в ушах звенящая, и горсть анаши.

Так напевает он, и в образе Хендрикса
уже является Харон мужику.
В преддверье ада речка движется, пенится,
любовь и музыка стоят начеку.

«Одноклассник Джеф Б., самопровозглашенный битник...»

Одноклассник Джеф Б., самопровозглашенный битник,
растаман, анархист и толкатель пустых речей,
обижавшийся на все шутки, кроме обидных,
трудный сын, но любимчик в еврейской семье врачей,

пишет письма домой на манер оссианских песен:
бесконечная сага его походов с одним
famous poet from Russia по имени А. М. Стесин.
Впрочем, возможно, это лишь псевдоним.

*Вот уже третий год живут они, изучая
священный Танах, созерцая прекрасный вид
из окна общежития в Хайфе. За чашкой чая
А. М. Стесин пытается переводить на иврит
русских классиков...*

Ради покоя родителей, что ли,
эта странная байка придумывается взахлеб
бедным Джефом, с которым поссорились еще в школе
и с тех пор не видались.

Дойдя до вопросов в лоб,
где ты был и зачем, чем намерен заняться дальше,
забредают в тупик разговоры на чистоту.
Где мы были и где – в мягкой форме родным преподашь

ли –

предстоит оказаться, ощупывая пустоту.

Где, болея умом, из палаты в районном дурдоме
пишет письма один, принимает на веру другой
бодрийаровы сны, правду-Матрицу жизни долдоня.
Это только фасад, декорации тесной грядой.

Мы еще приспособимся с жизнью текущей сладить,
оправдаем надежды интеллигентных семей.
На прожиточный – с миру по нитке. Пейзаж на слайде,
где газон зеленей и участок неба синей,

как в клиническом воображенье дружка-экстремиста,
где гуляет мое альтер-эго в шаббатской кипе,
до последней минуты, когда под откос устремится
не весь поезд, а лишь отведенное нам купе.

Панк-рок

За домом – клен, за кленом – насыпь,
за насыпью – такой же дом.
Когда мне стукнуло пятнадцать,
на торт и свечи в доме том
сошлись два гостя – я и мама.
И – не сидеть же в тишине –
случайная телепрограмма
плела нам байки о войне.

«Ком а ля гер,» с гортанным рыком
невидимый рассказчик пел.
Наутро все еще утыкан
свечами торт мой.

В штате Пенн –
сильвания отец работал,
раз в месяц приезжал домой.
Я ждал: под козырьком капота
исчезнем на день с глаз долой.

Пар выйдет, охладится то, что
шурует поршнями внутри.
Туман рассеется, так точно.
Сейчас рассеется, смотри.

И станет видно: в доме старом,

в кирпичном «проджекте» окно.

И сквот, где я терзал гитару
и слушателя заодно.

Тот слушатель на «crazy Russian»
полюбоваться ходит в парк,
а ты ему, что жизнь – параша,
визжишь, как настоящий панк.

А в понедельник утром в школу
меня автобус отвозил.

Очкарик, неуклюж и скован,
я дрейфил пасмурных верзил

в футбольных пестрых униформах,
лишь тихой девочке одной
поведал о своем бесспорном
таланте рокера.

Сплошной
оградой кленов краснолистных
провинция обнесена.

Гитара в гараже пылится.

Приходит вечер. У окна
застыла в ожиданье мама
с кондитерским подарком мне.
Бубнит, бубнит телепрограмма,
мелькает где-то в глубине.

«В джинсах-шароварах, в кофте с капюшоном...»

В джинсах-шароварах, в кофте с капюшоном,
с рюкзаком в заплатах на спине,
выйдя из панк-сквота, с пафосом тяжелым
рисовать графити на стене.

На дверях продмага, на табличке «Welcome»
ставить крест фломастером лихим,
от себя добавив снизу шрифтом мелким
анархистский лозунг или гимн.

Через две недели из психушки выйдет
легендарный, в общем, гитарист
с блоком старых песен в измененном виде
и татуировкой “Черный Принц”.

Он читал когда-то пару умных книжек,
плюс – про хари-кришнов ерунду.
Пояс брюк болтался ягодицы ниже;
выше крыш парил свободный дух.

Через две недели мы пойдем дворами
(подтяни штаны, фломастер смой!)
к хари-хари-кришне, хари-хари-раме,

незнакомой улицей – домой.

«Целлофановый куль, как упавшее облако...»

Целлофановый куль, как упавшее облако,
юго-западный ветер поднимет с земли.
Изучая приметы дрожащего облика,
неприглядным Нарциссом над лужей замри.

Вот летит грузовик, след печатая вафельный;
паутиной осенней сквозит естество.
И не прав метафизик, но нет основательных
у природы причин опровергнуть его.

Ибо жил пешеход, что-то слышал и видел он,
пенопластовый крейсер по лужам пускал
в кругосветный круиз. Тонкой ретушью выделен,
на визитках блестел его бодрый оскал.

И куда он пойдет, где толкнет свою исповедь,
бытовую полемику с пеной у рта?
Так уже самого себя хочется выставить
властным жестом за дверь. Только дверь заперта.

«Постою на улице, покурю...»

Постою на улице, покурю,
пусть в карманах курточки – по нулю,
пусть на убыль в банке локальном счет.
Улица холодная. Что еще?
Медицинских знаний неполный свод.
Риновирус в капсуле. Перевод:
раздают по карточкам сквозняки
продавцы катаров окрест реки.

А река, как сыворотка, к утру.
А звезда вчерашняя – тусклый трут.

Я звезду погасшую докурю,
запущу окурком ее в зарю.
Постою на улице прошлых лет,
вспомню слово детское: пистолет.
Пистолетик, ласточка на катке,
на коньке, скрежещущем по реке.

А река, как наволочка, к утру.
Я не помню, где и когда умру.

В честь кого-то названа улица,
не Улисса, так хоть Маргулиса,
гражданина в сереньком котелке,

с удочкой спускавшегося к реке.

А река, простужена на ветру,
не дождется суженого к утру.

«За хорошее поведение...»

За хорошее поведение
год за годом на день рожденья
неврастеник дядя Кирилл
книжку толстую мне дарил –
в темно-синей обложке с медным
ликом Барда, зело надменным,
«внемли, сыне, моим речам»,
говорившим мне по ночам.

И смеялся дядя, приблизив
взгляд в очках, качал головой:
«Ваш ребенок – вылитый Изя».
Точно – Изя. Только живой.

Соскребали добавку ложки;
к нежным праздникам вкус привит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.